

УДК 94(574/575)

А. М. Дубовиков**Участники хивинских походов о контактах с хивинцами и казахами**

В статье рассматриваются действия русских войск во время хивинских походов и их контакты с местным населением с точки зрения непосредственных участников и очевидцев. Поскольку количество свидетелей очевидцев слишком велико, автор ограничивается наиболее яркими представителями, к числу которых можно отнести М. И. Иванина, М. А. Терентьева и А. П. Хорошхина — талантливых офицеров и опытных аналитиков. Используются ряд архивных документов, труды современников (И. И. Железнов, В. И. Даль, М. П. Хорошхин, Н. Г. Мякушин и др.), материалы из «Уральских войсковых ведомостей». С их помощью можно сделать ряд важных выводов. Юго-восточные окраины России долго подвергались набегам, сопровождавшимся кровавыми столкновениями. Проявления жестокости имели место с обеих сторон, но у русских она была менее изощренной. Нравы и традиции местных народов и племен имели серьезные различия, а отношения между ними были отнюдь не безоблачны. Среди представителей местной знати и их людей было немало тех, кто верно служил России. После взятия Хивы ее хан готов был служить интересам России при условии, что она будет его защищать от его же подданных. Волнения, происходившие в казахской степи, чаще всего были проявлениями не национально-освободительной борьбы, а межклановой розни в борьбе за власть и влияние. Кочевое население доставляло русским властям гораздо больше беспокойства, чем оседлое. Более других непокорство проявляли туркмены (особенно племя йомудов) и казахи рода адай. Присоединяя к России новые земли и распространяя в них русское влияние, русские военные честно исполняли свой долг, будучи уверены в правоте дела. Их поведение не походило (за редким исключением) на поведение оккупантов; с населением побежденных ханств довольно быстро устанавливались нормальные отношения, прежде всего торгово-экономические.

Ключевые слова: М. И. Иванин, М. А. Терентьев, А. П. Хорошхин, В. А. Перовский, Ф. Г. Бизянов, К. П. Кауфман, Н. А. Крыжановский, Н. А. Веревкин, Баймухаммед Айчуваков, Средняя Азия, Хивинское ханство, туркмены, казахи, йомуды, адаевцы.

Цель статьи — привлечь внимание к непростым проблемам, связанным с отношениями между населением казахской степи и Хивинского ханства, с одной стороны, и русскими военными (преимущественно казаками) — с другой, в период их продвижения в Среднюю Азию, а также показать отражение этих контактов в наиболее крупных трудах участников тех событий.

Обращаясь к современным научным работам, следует выделить диссертацию С. Н. Брежневой «Историография проблемы присоединения Туркестанского края к России (вторая половина XIX в. — начало XXI в.)» (М., 2005). В ней автор досконально исследовала, как менялись у историков оценки и подходы, связанные с присоединением Средней Азии, в зависимости от времени, региона и других факторов, показала, что основную массу работ поначалу составляли краткие очерки отдельных событий, написанные их участниками. В основном речь шла о боевых действиях. На рубеже XIX—XX веков начинает доминировать тема эффективности управления новым регионом империи. Уже тогда начинаются дискуссии о главной цели покорения края: цивилизаторской, экономической или геополитической (обусловленной англо-русским соперничеством). Советская историография прошла ряд этапов, в течение которых на смену концепции «абсолютного зла», господствовавшей поначалу, пришла концепция «прогрессивности присоединения». После распада СССР историки центральноазиатского региона вернулись к концепции «абсолютного зла», тогда как большинство российских историков осталось на позициях «прогрессивности присоединения». Но если советские историки видели прогрессивность присоединения в последующем проникновении в регион революционных идей, то современные — в общекультурном и социально-экономическом прогрессе.

© Дубовиков А. М., 2017

Таким образом, и сегодня, и в более ранние времена рассматривались вопросы о статусе края (колония или национальная окраина), о миссии русской администрации (окультуривание или культурный геноцид), о главных факторах (внешнеполитические или экономические), о политической оценке (прогрессивности или реакционности). При этом непосредственные контакты населения с русскими военными не были предметом отдельных научных исследований, если не считать тенденциозных описаний «зверств колонизаторов» у отдельных современных авторов из «ближнего зарубежья».

С другой стороны, в постсоветский период наблюдается рост увлечения военной историей России, включая вопросы, которые не вызывали большого интереса в советское время. Военной тематике, связанной с присоединением Средней Азии, посвящен ряд диссертаций. Отметим диссертацию Д. А. Сапунова «Участие казачества Урала и Сибири в присоединении Средней Азии к России (40-е — 90-е годы XIX века)» (Челябинск, 2001). Подобные вопросы затрагивались в ряде статей, в основном на страницах изданий Министерства обороны, например в статье В. А. Кузнецова «“Будет памятником непоколебимого мужества, которое явили русские войска...”». Участие оренбургского и уральского казачества в покорении Хивинского ханства в 1873 году», опубликованной в «Военно-историческом журнале» (2014. № 5).

Анализ работ современных авторов не входит в число задач нашей статьи, посвященной работам непосредственных участников среднеазиатских кампаний. Ввиду их большого количества рассмотреть все не представляется возможным, поэтому остановимся на тех авторах, чьи труды считаются наиболее важными и ценными. Речь пойдет о книгах М. И. Иванина, А. П. Хорошхина и М. А. Терентьева. В своей диссертации С. Н. Брежнева этих авторов указала в числе тех немногих, чьи работы следует считать «солидными трудами», тогда как остальные в основном лишь «отражали личные впечатления», не имели научного характера, а «носили характер простой фиксации фактов».

Книга Михаила Игнатьевича Иванина «Описание зимнего похода в Хиву 1839—1840 гг.» — результат долгой и кропотливой работы. В 1833 г. Иванин, выпускник военной академии, в чине капитана поступил на службу под начало оренбургского военного губернатора Василия Алексеевича Перовского, только что сменившего Павла Петровича Сухтелена. Именно под руководством Перовского был предпринят хивинский поход 1839—1840 годов, участником которого был и Иванин, к тому времени подполковник Генштаба. Позже он не раз выполнял служебные обязанности на территории казахской степи, включая пост управляющего Внутренней (Букеевской) ордой, формально входившей в Астраханскую губернию.

В последнее десятилетие своей жизни, будучи генералом, Иванин написал ряд ценных книг военной тематики (включая военную историю), печатался в «Военном сборнике», «Русском инвалиде» и других изданиях. Умер в 1874 г., в год выхода его книги о хивинском походе. Она содержит около трехсот страниц, где детально изложены все основные события похода, включая вопросы организации, финансирования, снабжения, природы, климата и контактов с теми, кого он назвал «туземцами». Иванин дал характеристики многим участникам похода, как командирам (Циолковскому, Далю, самому Перовскому и др.), так и нижним чинам (уральским и оренбургским казакам, солдатам оренбургских линейных батальонов, башкирам). Определив цель и задачи похода, он провел анализ причин его неудачи. В этом отношении представляет интерес его обращение к истории, к походам Чингисхана и Тимура, по его мнению одерживавших свои победы благодаря знанию особенностей степных походов, о которых европейцы, включая русских, имели слабое представление.

Обращаясь к истории, он проанализировал причины неудач и предыдущих походов — атамана Нечая и князя Черкасского (Бековича). Также Иванин затронул вопросы, связанные с разработкой планов похода, вариантами маршрута, рекогносцировками.

Последние 65 страниц содержат разные приложения — приказы, рапорты, строевые записки, ведомости о состоянии отряда, походный журнал, карты, схемы, чертежи и даже рисунки участников похода. В конце приложений — два письма (письмо Перовского к Иванину и ответное письмо Иванина). В них обсуждаются детали будущей книги, которая, видимо, должна была стать общим трудом, среди авторов на первом месте должен был стоять сам Перовский. Прочтя черновики Иванина, он назвал их «добросовестным и отчетливым трудом, по просьбе моей начатым» и просит выслать имеющиеся у Иванина материалы, дабы отредактировать черновики, внося свои правки, высказав пожелания («изменить форму изложения», чтобы «придать рассказу тон не частного дневника, а полуофициального отчета»). Иванин выполнил просьбу, отправив копии документов. Вместе с тем он отметил, что было бы правильнее сделать из книги не «полуофициальный отчет», а пособие для участников будущих походов, которым надо подсказать, «какие изменения и приготовления для будущих походов в Среднюю Азию¹ необходимо бы сделать». Видимо, были причины, по которым совместного труда не получилось: письма датированы 1849 годом, а книга вышла спустя четверть века (через 17 лет после смерти Перовского, без его авторства). Не случайно в ней Иванин назвал Перовского «порядочным, но не очень умным».

Александр Павлович Хорошхин был потомственный уральский казак. Выпускник Оренбургского кадетского корпуса, обучался на азиатском отделении, где упор делался не на европейские, а на восточные языки. Он начал службу хорунжим в 1859 г., а через 6 лет попросился в Среднюю Азию, где в 1864 г. начались активные боевые действия. Участвуя в боях, собирал и публиковал данные о земляках, погибших или попавших в плен. После взятия Хивы генерал Кауфман назначил его членом ханского «дивана» (совета) наряду с двумя другими офицерами. Став советником хана, он, зная Восток и владея языками, более других сблизился с ним. Служба в Средней Азии нашла яркое отражение в его очерках. Хорошхин публиковался в центральной («Русский инвалид», «Военный сборник») и региональной («Туркестанский вестник», «Уральские войсковые ведомости») прессе. Там были размещены «Очерки Туркестана», «Очерки Семиречья», «От Оренбурга до Казалинска», «От Казалинска до Ташкента», «Народы Средней Азии», «Кызылкумский дневник» и др. Его жизнь оборвалась рано; он погиб под Махрамом (после взятия города) в возрасте 34 лет. Увлечшись погоней, они с ординарцем попали в засаду и погибли.

«Уральские войсковые ведомости» периодически упоминали о нем: «При взятии города Ургут отличился есаул Хорошхин; будучи ранен, он не оставил сотню». Согласно приказу № 227, уже войсковому старшине Хорошхину был пожалован орден Св. Анны. Вскоре «Государь Император за храбрость и мужество» пожаловал ему 153 рубля 52 копейки. Тогда это была крупная сумма. Вскоре царь «соизволил пожаловать командиру 1-й Уральской сотни Уральского казачьего войска войсковому старшине Хорошхину» орден Св. Станислава 2-й степени с императорской короной и мечами. Все это относится к 1868 году. В начале 1876 г. газета опубликовала скорбную весть, что «22 августа убит подполковник² нашего войска Александр Павлович Хорошхин» [27—30; 36].

¹ В последние годы вместо топонима «Средняя Азия» принято употреблять термин «Центральная Азия» (очевидно, потому что данный регион так называют в англоязычной литературе). Подобное «нововведение» вряд ли обосновано, так как географическая Центральная Азия — это Алтай и запад Монголии.

² В 1884 г. в Табели о рангах был упразднен чин майора, благодаря чему после капитанского чина шел чин подполковника. Однако в казачьих частях чин войскового старшины был сохранен, но поднят на

В своих очерках А. П. Хорошхин затрагивал самые различные аспекты: военные, политические, этнографические, социально-экономические и т.д. Уже через год после его гибели вышел в свет его «Сборник статей, касающихся до Туркестанского края», содержащий около тридцати различных очерков. Автор вступительной статьи П. Маев отметил, что это «сборник сочинений покойного Александра Павловича Хорошхина, собранных и изданных в память его по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора Константина Петровича фон-Кауфмана». Статья заканчивалась словами: «Разнообразные и интересные сведения о Туркестанском крае, собранные Александром Павловичем в течение своей 10-летней службы в нем, составляют содержание этого сборника, полезного для каждого интересующегося нашей далекой окраиной. Мир праху твоему, честный труженик!» [39, с. 4—5]. Кроме того, он был поэтом; его стихи, посвященные землякам, воевавшим в Средней Азии, стали песнями уральских казаков. Брат Александра, Михаил, впоследствии генерал, также был автором ряда работ о казаках.

Биография Михаила Африкановича Терентьева во многом напоминает биографию Хорошхина, но, в отличие от него, Терентьеву посчастливилось дожить до преклонных лет. Обучаясь в Академии Генштаба, он изучал востоковедение при Азиатском департаменте МИД. С 1867 г. служил в Средней Азии, участвовал в боях. При штабе туркестанского генерал-губернатора разрабатывал план войны с Хивой, маршруты движения войск, участвовал в рекогносцировках. Такие его книги, как «Статистические очерки Среднеазиатской России» или «Россия и Англия в Средней Азии», — это серьезные научные труды. В 1902 г., прослужив полвека и выйдя в отставку, он завершил работу над «Историей завоевания Средней Азии» — своей главной книгой. В ней он отчасти повторяет сведения, приведенные ранее Иваниним, но зачастую делает это более детально, так как кроме тех документов, с которыми читателя ознакомил Иванин, Терентьев, вероятно, был знаком и с другими. Объем его книги почти вдвое больше объема книги Иванина, даже с учетом того, что у Иванина четверть книги заняли приложения. Хронологические рамки, охваченные работой Терентьева, слегка отличаются от хронологических рамок книги Иванина. Поход Нечая он не рассматривал, как и походы азиатских полководцев — Чингисхана, Тимура или Надиршаха (хотя и упомянул их вскользь).

Начав книгу с экспедиции князя Черкасского, Терентьев посвятил ей более двадцати страниц (Иванин — лишь четыре). Примерно четверть книги Терентьева занял поход Перовского, информацию о котором можно условно разбить на три примерно равные части. В первой речь идет о событиях, непосредственно предшествовавших походу. Этому посвящена часть 2-й и вся 3-я глава (более 40 страниц). Во второй части — о самом походе, об этом 4-я глава. В третьей — о его последствиях (в основном политических и дипломатических). Это 5-я и 6-я главы, около 40 страниц. Основная часть книги — порядка трехсот страниц (главы 7—15) — посвящена хивинской кампании 1873 г. (включая события, непосредственно ей предшествовавшие, а также ее ближайшие последствия). В них Терентьев детально описал продвижение к Хиве всех русских отрядов и серьезные помехи, встреченные ими на своем пути: безводные степи и пустыни, столкновения и конфликты с местными кочевниками, несогласованность действий командиров и т.п. Большой интерес представляют описания обитателей казахских и туркменских степей и пустынь, их отношение к русским и друг к другу. Не менее интересна информация относительно оседлого населения, относительно поведения тех или иных представителей знати и простого населения в разных ситуациях.

ранг выше, вместо упраздненного у казаков чина подполковника. Но Александра Хорошхина это уже не коснулось.

Впервые русские встретились с хивинцами на поле брани в 1603 г. Назвать это походом русских войск нельзя: яицкие казаки, двинувшиеся на Хиву с атаманом Нечаем, русскими подданными еще не были. Наука не располагает российскими источниками о том походе, если не считать казачьих преданий и фольклора. Единственный источник — рассказ Абулгази-Бахадура. Книга была сначала переведена на французский язык, а затем — с французского на русский. Можно предположить, что двойной перевод мог привести к искажению некоторых данных. Абулгази был младенцем, когда казаки напали на владения хана Араб-Магомета, его деда. Согласно рассказу, «Яиджикские урусы», узнав, что «хан выехал в поле, чтоб препроводить лето с вельможами подданными своими», и «уведомившись, что не бывает военных людей летом в городе Ургенче», решили совершить набег. Ургенч подвергся разграблению. Абулгази, не имея точных количественных данных, указал символические цифры: тысяча казаков, тысяча арб с дуваном, тысяча «человек женска пола». Собрав крупные силы, хан перерезал казакам путь отхода, и те «не могли пробиться по простествии двух дней» и «принуждены они были оставить всю свою добычу». Тем не менее «Арап-Магамет-хан, который не хотел урусов отпустить столь дешево, выпередил другими дорогами, им известными». Казаки были измучены жаждой: «Но как воды весьма немного в сих местах, то у них и воды не стало. Сие их привело к такой крайности, что принуждены были пить кровь убитых своих товарищей». Отряд был перебит, «едва ушло 100 человек на берега реки Кгесилл¹», но и тех вскоре уничтожили [22, с. 346—359]. Рассказу в целом можно верить. Хотя Абулгази не был очевидцем, но получил информацию от участников событий.

Следующее столкновение с хивинцами произошло в 1717 г. Костяк русского отряда князя Черкасского вновь составили яицкие казаки, лучше всех знавшие хивинцев и степи, через которые лежал путь. Поход имел не только военно-политические цели. Бытовало мнение, что когда-то Амударья впадала в Каспий и если ее старое русло восстановить, то откроется удобный путь в Индию, с которой оживится торговля. «Гвардии капитан-поручик Черкасский князь Александр Бекович» получил от царя инструкцию из 13 пунктов: «...осмотреть прилежно течение оной реки, також и плотины, ежели возможно, оную воду таки обратить в старый пас», «устья запереть, которыя идут в Аральское море», «где было устье Амударьи-реки, построить крепость человек на тысячу», «а буде возможно будет, то и тут другой город сделать», «купчину по Амударье реке в Индию, примечая реки и озера и описывая водяной и сухой путь», и т.п. Но главное — это «хана хивинского склонить к верности и подданству» и «проведать о бухарском: не можно ль его хотя не в подданство, ежели того нельзя сделать, но в дружбу привести».

Для выполнения поставленных задач предписывалось «дать регулярных четыре тысячи человек, судов сколько потребно», а также «нарядить казаков яицких полторы тысячи, гребенских пять сот да сто человек драгун». Отряд выступил из Астрахани и Гурьева. У границ ханства его окружили хивинцы, имея 4—5-кратное численное превосходство. Атаки не принесли успеха, и хан начал переговоры. По одной версии гибели отряда, Черкасского уговорили разбить отряд на части для удобства снабжения. По другой — князь двинулся перенаправить Амударью, разбив отряд. Дробление отряда и потеря бдительности погубили его. Важные источники — показания уцелевших казаков: Никиты Бородина, Ивана Железнова, Михайлы Белотелкина, Федора Емельянова, Уразмета Ахметева [19, с. 75—81; 41, с. 357].

Спустя столетие вопрос о Хиве встал вновь. Для рекогносцировки местности в 1825 г. был отправлен отряд полковника Ф. Ф. Берга (заодно ему предписывалось наказать мятежный казахский род «адай»). Большинство отряда вновь составили уральские (яицкие)

¹ Согласно В. К. Третьяковскому, автору перевода книги, так хивинцы называли Амударью.

казаки (1200 уральских и 400 оренбургских казаков, 500 солдат). Обогнув северо-восточный берег Каспия, Берг свернул на Усть-Урт, у которого отпустил всех, кроме уральцев, с которыми дошел до Арала и вернулся обратно. Тогда мороз доходил до -30° и ниже, но отряд почти не понес потерь [18, с. 16—18; 26, с. 29—30].

Иванин так обозначил главную цель похода: «Унять дерзкую Хиву... подстрекавшую киргиз к неповиновению нам и побуждавшую их к уводу наших подданных в плен». Ему вторил Перовский, изложив задачи похода: «Положить конец грабегам и насилиям, избавить томящихся в Хиве невольников, внушить должное уважение к имени русскому». «Могли ли мы ничтожному, полудикому ханству позволять грабить наши торговые караваны, препятствовать нашей торговле, не допускать к себе наших агентов и побуждать сопредельные и подвластные нам кочевые племена грабить наши пределы?» — спрашивал Иванин. Цель похода засекретили, но, по мнению Иванина, это навредило делу: Перовский якобы набрал лиц, «мало знавших степь», но «желавших иметь деятельное участие в этом деле для наград». Поход не был полностью провальным. Набеги сократились. Хан запретил набеги, освободил (и одарил) русских невольников. Налажена торговля, собраны сведения, благодаря которым новый поход «подвергнется меньшим случайностям» [18, с. 87, 91, 156, 158, 164, 227].

Что же представляло собой Хивинское ханство? Иванин писал, что это полоска земли в низовье Амударьи, перерезанная каналами. Но на картах тех лет показана более обширная территория. Очевидно, Иванин имел в виду лишь часть ханства, заселенную оседлым населением, к которому он отнес узбеков и сартов¹, частично каракалпаков, а также персидских и русских невольников. По его мнению, большинство прозябало в бедности. Богато жили лишь работоторговцы и владельцы крупных табунов. Хивинцы «возделывают плодоносный бассейн» не сами, а «руками пленных персиян, ежегодно доставляемых на рынки туркменами» [18, с. 35—37]. Вряд ли это справедливо в отношении всего народа, хотя рабов использовали многие.

Интересные сведения привел А. П. Хорошхин [39]. В отличие от Иванина он не ограничил ханство оазисом: «Степи, населенные полудикими киргизами и туркменами разных родов, хотя номинально входят также в состав территории ханства, но даже сами властители Хивы никогда не были уверены в покорности своевольных, кочевых обитателей этих степей». Население ханства — «полукочевые узбеки из колена каракалпак», «киргизы», «узбеки разных поколений и сарты, а также дугма»². Хорошхин подробно перечислил туркменские роды — чаудуры, юмуты (йомуды), карадашли, имрали, кара-илгыллы, сары, теке, ата и др. В правобережье Амударьи оседлых селений значительно меньше, чем в левобережье, живут там в основном казахи и каракалпаки. Описывая маршрут своего (Туркестанского) отряда, Хорошхин сообщил, что на левом берегу совсем иная картина, чем на правом: «Поля, сады и чрезвычайно оригинальные кладбища... приятно разнообразили наш путь после пустой песчаной степи». Далее следует описание дворов и жилищ, которые были брошены, ибо население было отправлено на защиту Хивы. Боязнь русских, вошедших в Хиву, быстро прошла: «Жители не косились;

¹ Смысл этнонима «сарты» в настоящее время не совсем понятен. По одной версии, так называлось оседлое население побережья реки Яксарт, по другой — так кочевники называли все оседлое население Средней Азии, по третьей — это этнографическая группа узбеков, по четвертой — таджиков. Одни исследователи считают, что изначально родной язык сартов относился к персидской группе, другие относят его к тюркским языкам.

² Каракалпаков Хорошхин считал этнографической группой узбеков, «киргизами» официально называли казахов, под «поколениями» подразумеваются племена, дугма — это рабы-персы, этноним «сарты» имел у разных авторов разные толкования: от персоязычных жителей до всего оседлого населения.

одетые неизменно в свои красные халаты и огромные овчинные шапки, они продолжали заниматься своими делами». При этом «базар очень скоро оживился; в лагере немедленно появились продавцы живности и других продуктов, которых хивинцы... народ коммерческий и плутоватый, спешили сбывать».

Говор жителей, как заметил Хорошхин, был схож с азербайджанским («адербеджанским»). Как наука лингвистика только зарождалась, и мало кто мог сказать, что их язык относился к огузской группе, а не кипчакской (как казахский) или карлукской (как узбекский). Сегодня хорошо известно, что из языков Средней Азии к азербайджанскому наиболее близок туркменский.

Хорошхин не обошел вниманием и внешность хивинцев, обнаружив в ней узбекские и персидские черты: «острые узбекские скулы, плоский нос и жидкая борода, рядом с большими, правильно очерченными персидскими глазами». Не забыл и женщин. Когда на узкой улочке не могли разъехаться арбы, он «имел удовольствие любоваться прелестными и лукавыми темными глазками» одной пассажирки. Внимание привлекла и женщина, вышедшая за своим ребенком: «Симпатичное лицо молодой матери приветливо и застенчиво улыбалось». Строки свидетельствуют, что их автор не питал к хивинцам неприязни, которую испытывают победители [39, с. 473—476].

«Покорение Хивинского ханства принадлежит истории», — писал Хорошхин. И далее: «Успехи нашего оружия вполне вознаградили неудачи Бековича и Перовского. Будущему историку предстоит задача подробно сопоставить все три похода против Хивы, определить их значение» [39, с. 473]. Этим и занимался Терентьев, акцентируя внимание на военной стороне дела. Описывая нравы хивинцев, он отметил, что оседлое население вело себя «более или менее спокойно», а кочевники, «в особенности туркмены», — это «ядро каждой партизанской партии». В набегах участвовали не оседлые жители, а кочевники. Русские пленники ценились гораздо выше персов. Поэтому «цена русских невольников поощряла киргиз и туркмен к захвату в плен русских». Но большинство пленников составляли персы, ибо их было легче захватить. Многим русским разрешали свободно гулять по улицам, тогда как персов предпочитали держать в окопах [18, с. 27, 56; 26, с. 394].

Туркмены часть земель использовали для выращивания хлеба и кормовых культур, используя персов, ненавидевших своих хозяев, а потому с приходом русских кинувшихся на них. «Хивинцы — это азиатские плантаторы-рабовладельцы; в час расчета им придется еще подумать и о том, как оставить семью на руках озлобленных рабов», — писал Терентьев. С уходом русских из ханства, где рабство попало под запрет, многие персы, не успев уйти, были убиты озлобленными туркменами [26, с. 55, 393—395].

Хивинцы, зная о готовившейся кампании против них, подстрекали казахов к выступлениям против русских. При этом хан пытался оттянуть войну, задоблив русских. «Уральские войсковые ведомости» в марте 1872 г. сообщали, что «в Оренбург при посольстве ведутся два аргамака, в подарок Государю Императору, с богато убранными седлами и сбруей» [34]. Впрочем, как отмечал Хорошхин, хан государственными делами почти не занимался, передав широту полномочий диван-беги Мат-Мураду [39, с. 482]. Согласно Терентьеву, диван-беги занимался охраной границ и таможнями. Мехтер — иностранными делами, куш-беги — военными [26, с. 126—128]. Двое последних были главами южной и северной частей ханства.

Войско хана не отличалось высокими боевыми качествами. «Народ хивинский, при всей хищности своей, не воинственен», — писал Иванин, видимо имея в виду оседлое население. Основную массу войска составляли туркмены, которые, согласно Терентьеву, не отличались преданностью хану, а служили «по склонности к грабежу». Главной

помехой успеху русских были сложные природно-климатические условия переходов и отсутствие на широких пространствах признаков жизни. Иванин описал настрой русских как «полное презрение к слабому неприятелю». Как офицеры, так и нижние чины ждали скорейшей встречи с противником, ибо «дурное качество хивинских войск подавало надежду на успех; нужно было только достигнуть хивинских владений».

Иванину вторил Терентьев: «Весь вопрос состоял в том, как бы добраться до этого разбойничьего гнезда, а уж разнести его никто не считал задачей». Войско хана многократно превосходило по численности отряд Перовского, но артиллерия имела чуть более десятка пушек старого образца. Ядра не подходили по калибру и загонялись в ствол с войлоком, порох был «дурного качества». Пушкари были русские пленные, которые, по мнению Иванина, «оставят пушки и передадутся к нам». Прочее вооружение тоже оставляло желать лучшего: «Войска эти не приучались ни к строю, ни к умению владеть оружием, вооружались, как кто мог и чем мог». Генералы были уверены, что войска хана «состояли из всякого сброда, вооружены были плохо, что народ не воинствен, что и плохих войск наберется не более 20 или 25 тысяч, которые после первого удара разбегутся» [26, с. 21, 37, 44—45, 55].

Низкие боевые качества хивинцев проявились быстро. Узнав, что в Акбулакском укреплении русских мало, на него напали до трех тысяч хивинцев, заодно пытаясь уничтожить отряд Ерофеева¹ (порядка двухсот солдат и казаков). Хивинский отряд из лучших наездников-туркменов возглавил сам куш-беги. Атаки были отбиты, русские потеряли пятерых, в Хиву же вернулась «едва половина» [26, с. 121—124].

Хивинцы преуспели лишь в издевательствах над пленными, которых из-за серьезных ран нельзя было продать. Единственный солдат, попавший в плен после ранения, подвергся чудовищным издевательствам, прежде чем был убит². Его останки нашли позже. Колени были проколоты, сквозь них протянута веревка, с помощью которой несчастного таскали по снегу, привязав к лошади. Вероломство и средневековая жестокость были характерны для Средней Азии и прежде. Еще в 1717 г., после расправы над русским отрядом, хан, возвратившись в Хиву, вез головы противников с содранной с них кожей, часть которых была выставлена на обозрение ликующей толпы. Брат Александра Хорошхина, Михаил, рассказывая о бое уральских казаков с кокандцами в декабре 1864 г., пишет, что если кто-то из раненых казаков, обессиленный, падал на землю, «как хищные звери, с неистовыми криками отделялись от толпы конные всадники и бросались на свою беспомощную жертву». Каждый хотел первым «отрезать голову, чтобы скорее представить начальству как доказательство своей храбрости». Упавшего сотника Павла Абрамичева кокандцы «дорезали уже мертвого». После их ухода русские собрали растерзанные и обезглавленные тела погибших, многих из которых уже нельзя было опознать. Абрамичева опознали лишь по окровавленным остаткам офицерской одежды (офицеров было двое, второму посчастливилось выжить). Подобные действия практиковали не только хивинцы и кокандцы. «Кочевник поклянется вам на Коране в вечной дружбе, будет есть ваш хлеб и при первом случае украдет вашу голову». Иногда головы резали и казахи, и не только адаевцы. Некто Утень (Утеген) Мусабаев из рода чилик, провожая группу русских, заманил их в свой аул и, уложив отдыхать, обезглавил. Затем он с сообщниками бежал в Хиву, взяв их головы, которые в Хиве выставил на обозрение [18, с. 125, 138; 26, с. 19, 82—87, 254, 318—320; 40, с. 24—25, 27, 29]. Узнав о трагедии, генерал Веревкин не придумал ничего лучшего, как расстрелять заложников, не имевших к этому отношения. Так представители русской власти порой становились виновными в непокорности казахов из-за неспра-

¹ Иванин называет Ерофеева поручиком, Терентьев — штабс-капитаном.

² По данным Иванина, этот солдат за пределами лагеря пас скот, по данным Терентьева — копал корни.

ведливого (или презрительного) отношения к ним. Генерал Генс, оглашая указ о закупке скота, не утруждался объяснением выгод сделки, ибо «ожидает от кайсаков не толков, а повиновения». Ранее (в 1831 г.) он принимал участие в наказании адаевцев [18, с. 30, 84].

Когда русские легко заняли важные хивинские объекты, хан Сеид-Мухамед-Рахим, видя бессмысленность борьбы, бежал из Хивы. Вступавшие в Хиву русские войска были встречены членами ханской верхушки. Дядя хана снял перед Кауфманом шапку и поклонился. Атаджан, младший брат хана, был представлен как новый хан. Но Кауфман желал видеть на его месте лицо более влиятельное, а потому отправил бежавшему хану письмо с обещанием жизни, свободы и брошенного престола. На следующий день хан вернулся. Власть его была ограничена «диваном», куда вошли трое от хана и четверо от русских. Хан назначил мехтера, диван-беги Мат-Нияза (вместо бежавшего Мат-Мурата) и Иртазали-инака, своего родственника¹. Трех офицеров (включая Хорошхина) и купца из Ташкента назначил Кауфман [26, с. 384—392].

Изучив сторону хана благодаря своему статусу, Хорошхин детально описал ее. Хан был молод, но выглядел ленивым и вялым. Хорошхин считал, что «умственный горизонт его не простирается далее свойственных азиатцам, часто весьма диких воззрений». Хан, по мнению Хорошхина, «добродушный и слабый человек». Он без особых эмоций рассказывал о применяемых у них наказаниях (отрезание носа, ушей, головы) как о само собой разумеющемся и соответствующем нормам шариата. Тем не менее он произвел впечатление доброго, спокойного человека. Как-то он сказал, что соскучился по Кауфману и хочет подарить ему хорошего коня с дорогой сбруей. Было видно, что он не испытывал неприязни к недавнему врагу и что его подарок — не раболепие, а просто предлог напомнить о себе. Застав хана в одиночестве при лунном свете, Хорошхин посочувствовал ему: «Властитель Хивы с бледным лицом вполне походил на узника». После упразднения дивана Хорошхин остался при хане. Темы общения были разные, в основном — о России и русских. Хорошхин охотно отвечал на вопросы. Его и прочих русских хан любил угощать. Он увлекался шахматами, но предпочитал не играть с русскими, которым обычно проигрывал. Приближенные, по словам Хорошхина, своими умственными способностями «не отличаются от любого чернорабочего», да и «умственный кругозор хана не широк». Мехтер занимался уже не иностранными делами, а финансами. Это «богатый старик», но «личность бесцветная, обращавшая на себя внимание лишь по грязному одеянию». Диван-беги был сыном русской пленницы, а по отцу — двоюродный брат хана. Хорошхин назвал его человеком «очень неглупым и хитрым», который фактически стал правой рукой хана. Илтезер-инак интересовался медициной, хотя имел болезненный вид. Он часто устраивал членам дивана развлечения (национальная музыка, песни и пляски) и угощения (жаркое, плов, сладости, даже легкий алкоголь). Иногда заседания посещал Атаджан, с которым Хорошхин тоже много общался. Покидая Хиву, Хорошхин получил от него в подарок две книги о восточных династиях. Позже Атаджан пожелал поступить на русскую службу и был зачислен в Тверской драгунский полк.

По свидетельству Хорошхина, труднее всего было уговорить диван запретить рабство, ибо это могло вызвать массовый протест, пришлось «грозить гневом главнокомандующего» [39, с. 476—483]. Манифест хана гласил: «Я, Сеид-Мухаммед-Рахим-Богадур-Хан, в знак глубокого уважения к русскому императору, повелеваю всем моим подданным предоставить немедленно всем рабам моего ханства полную свободу». И далее: «Пусть это человеколюбивое дело послужит залогом вечной дружбы и уважения всего славного моего народа к великому народу русскому». Хан признал, что его власть может держаться лишь на русских штыках, его опасения были не напрасны. Терентьев процитировал запи-

¹ Так его назвал Терентьев, Хорошхин назвал его Илтезер-инак.

ску чиновника МИД Вейнберга от 1877 года, где отмечалось, что те, кого хан так боялся, «с давних времен привыкли в отношении к Хиве разыгрывать роль преторианцев». Вейнберг писал: «Хан сознался, что с туркменами он только тогда может справиться, если русские войска помогут ему наказать туркмен, т. е., по понятиям азиатцев, подвергнуть их избиению». Не решаясь заявлять об «избиении», хан велел «уравнять положение туркмен с прочими народностями» и «не считать их исключительно военным сословием» [26, с. 391, 410—412].

На вопрос «Кто неприятель?» Терентьев отвечает: «Хивинцы не дрались с нами и бросали крепости. Они же молят постоянно о защите их от туркмен. Дрались с нами только туркмены и киргизы. Очевидно, это и есть “неприятель”» [26, с. 436]. Под хивинцами он имел в виду оседлое население, а под киргизами, видимо, адаевцев. Но и они, и туркмены в основной массе были подданные хана. Угон скота (баранта) у кочевников был привычным делом. Лошади и верблюды были нужны для перевозки необходимых грузов: воды, топлива. Остаться без них — обречь себя на гибель. Адаевцы и йомуды не только нападали на русских или угоняли их скот, но и мешали другим поставлять им скот. «Барантовщики всегда следуют за нашими отрядами, как в море акулы за кораблями», — писал Иванин [18, с. 41]. Терентьев хорошо понимал суть хозяйства номадов: сочных трав для корма скота летом больше в северной, а зимой — в южной части степи. Однако выдерживать из года в год один маршрут трудно. «Междоусобия и бесконечное кровопролитие явились в степях именно вследствие нарушения границ летовок и зимовок; род, права которого нарушены, отгоняет скот — барантует, и пошла усобица на много лет», — писал Терентьев [26, с. 246]. По мнению Иванина, «для установления приятельных отношений с туркменами и прикаспийскими киргизами» нужны «десятки лет хорошего управления, развития торговли и здоровой политики» [18, с. 186].

Во время походов на Хиву русское командование стремилось избежать ее поддержки со стороны соседей, и это удавалось. Бухарский эмир велел завернуть хивинских послов, везших в качестве «подарка» голову Бековича, назвав хана «людоедом», которому она нужнее. Не было солидарности с Хивой и в 1873 г. Напротив, эмир передал большое количество круп и муки, предупредив, что попытка расплатиться будет оскорблением. Затем Кауфману вновь доставили провиант от эмира, который и впредь проявлял доброе отношение. Во время похода при Кауфмане был его посол, который после взятия Хивы увез благодарственное письмо и подарки эмиру, а новый посол прибыл с поздравлением и ответными подарками [26, с. 19—23, 287, 394].

Наступление на Хиву велось со стороны Оренбурга, Ташкента, Красноводска и Мангышлака. Продвижение со стороны Каспия шло наиболее трудно из-за сложных природно-климатических условий и постоянных нападений адаевцев и йомудов. Красноводскому отряду вообще пришлось вернуться [26, с. 230—254]. Факт, что главными противниками русских были туркмены (особенно йомуды), заставил обрушить репрессии прежде всего на них. По мнению Терентьева, Кауфман, обложив туркменом контрибуцией, понимал, что они не смогут ее выплатить и это развяжет ему руки. К ним был послан генерал Головачев с крупным отрядом. Терентьев цитирует приказ Кауфмана: «При малейшем покушении их уходить приведете в исполнение приказание мое об окончательном уничтожении непокорного племени». В другом документе цитируется обращение Кауфмана к туркменам: «Наказание будет жестокое, и виновниками гибели себя, ваших семейств и всего имущества вы будете сами». Головачев, услышав от персов, что йомуды уходят, выслав в погоню казаков. Назвать казаками их командиров Терентьев отказался: отряд возглавил Блок, сотни — фон Грюнвальд, фон Лейхтенберг, фон Криднер. Заметив преследование, йомуды бежали, бросив в обозе женщин, детей и стариков. Следуя приказу,

казаки начали рубить их, а те кинулись к озеру, пытаясь спастись. В итоге были убиты и утонули до двух тысяч человек, у которых был уведен скот, сожжены селения и стоянки [26, с. 394—399, 401—404, 415, 421].

Ханство формально осталось независимым, но фактически попало под российский протекторат, его территория ужалась до оазиса в левобережье Амударьи. После ухода Оренбургского и Кавказского отрядов на правом берегу остались части Туркестанского отряда во главе с полковником Ивановым, заложившие Петро-Александровское укрепление. Туркмены, еще не сломленные, сочли несправедливым, что контрибуция возложена лишь на них, а потому грабежи узбеков и казахов считали честным распределением бремени, для чего «разбойничьи партии стали переправляться и на нашу сторону». Сначала на это не обращали особого внимания, но после нападения на караван с «казенным грузом» для Петро-Александровска казаки во главе с майором Адеркасом отбили часть груза и перебили сотню туркменов. Иванову предоставлялось право перехода на левый берег, если потребуют интересы империи.

В штабе Туркестанского округа Терентьев нашел приказ, данный Иванову, за № 2637 от 12.09.1873 г.: «Проходя от Хазавата до Змушкира и обратно по землям туркмен-йомудов, ваше высокоблагородие имеете распорядиться, чтобы войска на пути своем предавали бы все и вся огню и мечу; наказание должно быть примерное, жестокое, дабы дать почувствовать им всю тяжесть кары за неисполнение наших требований и произвести впечатление на остальные роды туркмен. Знакомство с туркменами показало нам, что они другого языка не понимают».

Терентьев после анализа других документов сделал вывод, что в ходе первого похода за Амударью Иванов «прошел огнем и мечом» кочевья йомудов, как велел Кауфман. Но потом он «не стеснялся докладывать Кауфману, что жечь и бить всех туркмен без разбора несправедливо». Также он отыскал место гибели отряда Бековича, где отслужил панихиду и дал прощальный салют [39, с. 483; 26, с. 393, 415—441, 455].

Интерес вызвал и другой документ, написанный полковником Гродековым в 1879 г. (накануне похода в Ахалтекинский оазис), где речь шла о туркменах-текинцах. Гродеков пишет, что следует «беспощадно истребить все попадающееся на пути и наложить на оставшихся от погрома тяжелую контрибуцию». Это, по его мнению, не проявление жестокости, а «одно из самых человеколюбивых дел», поскольку «туркмены — это черное пятно на земном шаре, это стыд человечеству», а «приказ генерала Кауфмана об истреблении йомудов есть самый человеколюбивый акт». Эти рекомендации остались на бумаге, хотя Гродеков принял участие в том походе [26, с. 413].

Среди туркменов, как ни странно, имелись добровольцы, служившие русским. В одной из рекогносцировок в группе подполковника Скобелева из шести человек было три туркмена (Назар, Нефес и Дурды). Все они получили по 50 рублей и знаки отличия военного ордена [26, с. 415—416].

В отличие от отношения русских военных к туркменам и адаевцам отношение к другим кочевникам было иное. Принудительно у них ничего не отбирали. К примеру, в марте 1873 г. кызылкумские казахи продали баранов русским на пути их следования. А у колодца Бураган, встретив казахов, русские «поели по-человечески», «подкормили лошадей», при этом «заплатили баснословные цены». После взятия Хивы Кауфман удовлетворил просьбу каракалпаков о принятии российского подданства. Их кочевья были «присоединены к уступленным нам землям» [26, с. 297, 342, 393].

Отношения с казахами также были непростые. Все их роды были объединены в три «жуза» — «Младший» (Кіші жуз), «Средний» (Орта жуз) и «Старший» (Улы жуз). Например, Младший жуз включал десятки разных родов: берш, алаша, табын, шеркеш,

адай, байулы и др. Несмотря на общность языка, религии, обычаев и образа жизни, их ментальность имела особенности, обусловленные разными факторами. Раньше других российское подданство приняли правители Младшего жуза (1-я половина XVIII века). Но именно в нем происходили более частые и более масштабные волнения. Этому способствовали конфликты между представителями знати, и не все они были российскими подданными. Простые казахи считали себя подданными султанов, которых утвердила российская власть, но не российскими подданными.

Далеко не вся знать пользовалась уважением подопечных. «Многие султаны прежде не смели и показываться в степь без казачьего конвоя, до того были ненавидимы своими подвластными», — свидетельствует Терентьев [26, с. 97]. Больше всего беспокойства доставляли адаевцы (род «адай»), что кочевали юго-западнее других родов — в низовьях Урала, Эмбы, в районе Мангышлака, то есть между российскими, хивинскими и персидскими землями. Этот род, согласно Терентьеву, «ни во что не ставил своего султана-правителя» [26, с. 159]. Наказанием адаевцев в 1820-е — 1830-е годы периодически занимались экспедиции Берга, Щапова, Генса, Мансурова, Дренякина и др. Не зная каспийских отмелей в районе Мангышлака, лоцманы там часто сажали суда на мель и подвергались грабежу адаевцев. Спасением судов обычно занимались команды уральских казаков, дежурившие на водах у северного и северо-восточного побережья. В 1812 г. команда Мотыгина захватила адаевцев, разграбивших судно купца Ашуева. В 1830-е гг. адаевцы совершили серию таких грабежей. При этом в плену оказались смотритель эмбенских вод, команда пушечного бота. Ответом стала экспедиция полковника Мансурова. Ее участники были уральскими казаками, включая офицеров (кроме самого Мансурова). Терентьев назвал ее «весьма замечательной зимней экспедицией по льду на полуостров Бузачи для наказания киргизского рода адаевцев, у которых преимущественно находили убежище морские разбойники и эмиссары хивинские».

Отряду следовало прибыть в Ново-Александровское укрепление на санях и двинуться на полуостров Бузачи. Часть казаков оказалась в отnose на оторвавшейся льдине. Но, как пишет Терентьев, «уральцы выросли в борьбе со стихиями и тотчас нашлись: они связывали льдины арканами с помощью втыкаемых в льдины пик и устроили, таким образом, род ледяного моста». Адаевцы, по описанию казачьего офицера Н. Мякушина, были застигнуты врасплох: «Неожиданное появление казаков до того ошеломило хищников, что они не верили своим глазам... Положение их было самое отчаянное: их поражали пулями, кололи пиками, рубили шашками и топтали конями... Ущелье балки было завалено ранеными и убитыми... по всему полю в беспорядке лежали трупы киргиз, многие раненые, обессиленные потерей крови, падая с лошади, умирали тут же».

Главным итогом этой экспедиции Мякушин считает тот факт, что адаевцы даже в условиях морозной и снежной зимы больше не смогут чувствовать себя вне досягаемости. Однако «урок» они помнили недолго. В том же году был ограблен караван, из-за чего Перовский отправил в казахскую степь тысячу башкир с генералом Дренякиным. Параллельно для «наведения порядка» были высланы в степь отряды войскового старшины Осипова (уральца), подполковника Подурова (оренбуржца) и подполковника Геке. Награбленное было «отбито», виновники «избиты», а их лошади отданы башкирам «на покрытие военных издержек».

Но и это не помогло. Новым дерзким налетом стало разграбление и уничтожение (поджог) судов, доставлявших грузы для экспедиции Перовского, запертых льдами у побережья. Нападение адаевцы совершили совместно с йомудами по наущению хивинцев. Затем они напали на Прорвинский пост, но, встретив упорное сопротивление его малого гарнизона, отступили, угнав огромный табун. Потом ограбили казахов, лояльных

к русским, сорвали поставку верблюдов, захватили и продали в Хиву посланного для их сбора корнета Аитова. Наказание задержалось до завершения экспедиции, но состоялось. Вновь были высланы уральские казаки во главе с полковником Бизяновым. Султан Баймухамед Айчуваков со своими джигитами примкнул к ним. В низовье Эмбы они настигли группу из 4,5 сотен адаевцев и полностью уничтожили ее. Спустя треть века после похода Перовского Иванин отмечал, что адаевцы все еще «находятся под влиянием Хивы», а потому «дорожить ими нет надобности» [10, л. 7; 18, с. 127—134, 149—150, 167—168; 20, с. 27—28; 23, л. 99; 26, с. 30—32, 90—98, 109—110].

Самый крупный мятеж адаевцы подняли в 1870 г. под предлогом несогласия с новым положением об управлении казахской степью. Что же оно собой представляло? Согласно ему, с 1869 г. упразднялись должности султанов-правителей, ограничивалась власть знати, создавались уезды и волости, вводилось выборное начало. Духовенство, ранее назначавшееся, стало выборным. Простой народ получил больше прав и свобод, но безграмотное население степи, подозрительно относясь ко всему, что делала российская власть, легко поддавалось агитации тех, кто не желал мириться с новыми реалиями. Распространялись слухи, что русские хотят сделать кочевников оседлыми, обратить в христианство, забрать в солдаты. Не последнюю роль играли хивинские эмиссары. Зная о подготовке военной кампании против Хивы, они стремились «зажечь» казахскую степь. «Орда, как тогда уральские казаки называли киргизов, заволновалась: мятежные шайки и скопища нападали на форпосты, изгоняли целые табуны лошадей, нападали на почту и даже на наши вооруженные отряды», — писали «Уральские войсковые ведомости» [38].

Мангышлакский пристав Рукин заставил сопровождавших его уральских казаков (40 человек, включая 3 офицеров) в ходе переговоров с адаевцами сдать оружие, как те потребовали. Итог — гибель отряда и самого Рукина. Воодушевленные «победой», адаевцы осадили Форт-Александров, ставший последним оплотом русских на Мангышлаке. Для подавления мятежа с Кавказа на Мангышлак был послан крупный отряд полковника Кутайсова, из Гурьева — отряд подполковника Саранчева. С большим трудом порядок был восстановлен [26, с. 167—172]. Погиб не весь отряд Рукина. Наиболее крепкие, оправившиеся от ран, были проданы в Хиву. В 1872 г. «Уральские войсковые ведомости» сообщили, что среди их земляков «находятся в живых: Данилка Гузиков (работает в саду хана), Аксен Долбленов, Григорий Мостовщиков, Фаддей Дурманов и Иван Солодовников; об остальных неизвестно» [34]. После взятия Хивы их освободили вместе с другими русскими: «Из числа пленных было 5 казаков-уральцев, пожелавших идти в отряд» [35].

Не только адаевцы, но и казахи других родов совершали нападения на российское пограничье, прежде всего на казачьи селения пограничных линий. Делами о набегах изобилует Оренбургский областной архив, прежде всего фонд 3 (Оренбургская губернская канцелярия) и особенно фонд 6 (Канцелярия оренбургского генерал-губернатора).

П. С. Паллас, побывав в Яицком войске, отмечал, что казаки могут ожидать нападения в любой момент [21, с. 430]. Ему вторит казачий писатель и офицер И. И. Железнов, живший в XIX веке: «Выезжая на покосы или на рыбную ловлю, казаки, даже в виду своих жилищ, должны были иметь такую же точно предосторожность, какая обыкновенно соблюдается во время войны на передовой цепи армии» [17, с. 71]. Н. А. Александров, упоминая винтовку за плечом уральского казака, пишет: «Всю жизнь, спокон века, он проводит с ней, сторожа свое добро от неожиданных нападений исконного своего врага и соседа — киргиза» [1, с. 25]. Это же отмечал В. И. Даль, служивший в Оренбурге и хорошо знавший Уральское казачье войско, где неоднократно бывал по делам службы. «Проклятов немало сражался на своем веку, не говоря о всегдашней войне с киргизами», — пишет он о главном герое своего очерка [16, с. 105].

В одном из документов, приведенных А. Д. Рябининым, атаман Андрей Бородин перечислил нападения на форпосты и крепости Яицкого войска за два месяца 1760 г., масштабы которых оказались внушительными [24, с. 36—37]. В 1805 г. войсковая канцелярия распорядилась усилить караулы на левом берегу Урала на время перекочевки вблизи большого числа казахов. Тот же акт предписывал укрепить резервные команды в местах проведения севрюжьего промысла [6, л. 1—2 об.].

Российская власть поощряла послушных и наказывала ослушников. Род байулы, поддавшись уговорам хивинцев, не поставил русским обещанный скот и был наказан отрядом полковника Жемчужникова, «дабы пример этот не произвел вредного впечатления». Кара, осуществленная в соответствии с приказом, показалась недостаточной, и для дополнительного наказания был отправлен казачий отряд подполковника Подурова. Догнать ослушников не удалось, но «цель — устрашение орды была достигнута» [18, с. 86].

Для сопровождения верблюдов русские нанимали «лаучей» из числа казахов. В отряде Перовского их было до 30% состава. Они были безоружны, ночевали в центре лагеря (в окружении «благонадежных»). «Надобно было против них принимать такие же меры осторожности, как против неприятеля», — писал Иванин. Он назвал их народом «сомнительной преданности, требовавшим надзора». Когда среди них распространился слух о военной мощи Хивы, они отказались идти дальше. После угроз основная масса разошлась. Затем были расстреляны двое из числа оставшихся. Остальные, поняв, что угрозы не были пустыми, упали на колени [18, с. 40, 101, 106, 125—126; 26, с. 87—89].

Павел I разрешил хану Букею перекочевать на правый берег в низовье Урала и занять территорию, освободившуюся после калмыков на правах общего пользования. Однако его сын Джангир стал раздавать земли своим приближенным. Жалобы не помогли, и старшина Младшего жуза Исатай Тайманов поднял восстание, подавленное при участии уральских казаков. Тайманов был убит, но после смерти Джангира Перовский предложил изъять незаконно полученные земли, упразднить титул хана и привилегии знати [18, с. 186—187]. Внутренняя орда была поставлена под жесткий контроль. Переходным органом власти стал Временный совет, членом которого в 1853 г. был назначен Иванин, позже ставший управляющим Внутренней ордой.

В 1850—1860-е годы наблюдался спад волнений, резко возросших в 1869 г. в связи с упоминавшимся положением об управлении Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областями. Наибольший размах волнения приобрели в Уральской и Тургайской областях (на западе казахской степи). Волнения сопровождались грабежами и убийствами. «В зале Уральского войскового собрания дан будет музыкально-литературный вечер в пользу семейств убитых близ Горяченского форпоста 11 казаков», — сообщали «Уральские войсковые ведомости» в апреле того года. Страдали не только русские. Вот пример: «Шайка киргиз черкесского рода каратемирова отделения, состоявшая из 16 человек, не принявших положение, под предводительством Джель-Амана и Исенъжана Тленчиных и 8 адаевцев балыкчиева отделения во главе с батыром Нурсултаном Ильчибековым напали на табун лошадей киргиз Бестюбанской волости и угнали 558 голов лошадей по направлению к Хивинским пределам» [31—33].

Иванин считал, что в отношении казахов проводится несправедливая политика: «Если мы считаем киргиз нашими подданными, то полагаю, что должны уважать у них права собственности и, занимая у них для наших поселений и укреплений луговые места и пастбища, необходимые также и пастушескому народу, следовало бы вознаграждать за это» [18, с. 195]. Речь шла об изъятии у казахов земель для обустройства «Новой Оренбургской линии». Терентьев, рассказывая о волнениях в казахской степи в 1820—1840-е годы, называет их организаторов мятежниками и разбойниками. Но похвалу в адрес рус-

ских офицеров, удачно действовавших против них, он совмещает с критикой за перегибы. Например, Мансурова он обвиняет в том, что тот, преследуя Каипа и Джуламана, в целях устрашения разорил аулы рода дюрт-кара, не имевшего отношения к мятежникам. Осуждая неоправданную жестокость, он выступает принципиально против посылки карательных экспедиций: «Действовать против степи набегами неразумно, ибо мятежники всегда заблаговременно уйдут, а на месте останутся только не считающие за собой никакой вины мирные кочевники». «Ничего, кроме расходов казне, обоюдного разорения пограничным жителям и озлобления невинно потерпевших киргизов, не приносили наши экспедиции», — отмечает он. И добавляет: «Ограбив дочиста попавшихся на глаза и под руку киргизов, чаще всего ни в чем не повинных и потому не ожидавших грозы, так как виноватые почти всегда уходили заранее, мы сами толкали их на грабеж». Он считал, что нужны не экспедиции, а укрепления, которые следует создавать по мере продвижения в глубь степи. Впрочем, тут он не оригинален; во 2-й трети XIX века эта тактика широко использовалась [26, с. 32—36, 68—69].

Для степных походов русские использовали казахских верблюдов. Но на их покупке казна экономила, а условия аренды были невыгодны казахам, считавшим: «Какого верблюда русским ни дай, всякого они сумеют искалечить, а не то и вовсе извести». Деньги же за павших верблюдов были ниже их стоимости и выделялись не хозяевам, а аульному начальству, которое часто присваивало их, говоря, что денег не поступало. Из-за нежелания давать верблюдов их поставку вменили в обязанность, а «по наряду всякий старается спустить верблюда не из лучших» [26, с. 273—274].

Абсолютное большинство казахов было готово подчиняться русской власти, если бы она действовала справедливыми методами. В этом случае они были бы готовы даже оказывать поддержку в борьбе с «мятежниками». К примеру, полковник Геке, узнав о прибытии в один из аулов Махамбета Утемисова, пытался захватить его. Обладая хорошим чутьем, Махамбет смог заранее уйти, хотя его сподвижники были «выданы самими кайсаками, когда они убедились, что войска не намерены обижать покорных» [18, с. 88].

Может показаться, что казахи были для русских (особенно для казаков) злейшими врагами, но такая точка зрения слишком упрощенна. У казахов часто возникали конфликты с башкирами, калмыками и прочими соседями в местах контактных зон. Регулярно происходили конфликты и с соседями из Средней Азии. Когда в степи происходили беспорядки, организованные Касымом и его сыновьями, один из них в ходе конфликта с узбеками был убит. В отместку за брата Кенесары Касымов убил 40 узбеков. Через некоторое время ташкентский бек пригласил к себе Касыма, обещая помощь, а сам вероломно убил его вместе с семьей и окружением [26, с. 33]. Хивинцы регулярно нападали на казахов (особенно бухарских и сырдарьинских). Поэтому основание в 1847 г. Раимского укрепления на берегу Сырдарьи местные казахи одобрили. В отместку партия хивинцев «расчленила более тысячи кибиток наших киргизов, утопила 30 грудных детей, забрала 21 семейство в плен». А вскоре «обойдя Раим, хивинцы бросились в Каракумы, расчленили чиклинцев и дюрт-киринцев, перерезали стариков, раскидали по степи младенцев, а женщин забрали в плен» [26, с. 148—149].

С уходом русских из Хивы туркмены совершили крупный набег на «бухарских киргиз» [26, с. 431—432]. Казахы, кочевавшие в бассейне Сырдарьи, были лояльны к русским и «просили нас основать укрепление при Сырдарье и оградить их от притеснения хивинцев». Но от других родов «мы могли ожидать только наружного исполнения наших приказаний из страха» [18, с. 33, 176].

Нередко враждовали и сами казахские роды. Так, во 2-й четверти XIX века в Младшем жузе регулярно возникали конфликты между родами алаша, табын, байулы [11,

л. 1—53]. «А роду адайскому, самому воровскому и злейшему из киргизских родов, все роды более или менее враждебны», — писал И. И. Железнов [17, с. 141].

Сложными были и отношения между казахской знатью и простыми казахами. Например, в 1805 г. хан Айчувак обращался в Оренбург с просьбой прислать казаков для его защиты и «усмирения киргиз» [4, л. 1—3]. Тогда же казаки охраняли хана Внутренней орды Букея, сопровождая его в ходе поездки. Сопровождать приходилось и других ханов, например Джантюре, Алгазы [3, л. 1—13; 7; 11, л. 1—4]. Все это свидетельствует о взаимном недоверии между знатью и их подопечными. В формулярах уральских казаков часто можно найти строки об их службе при султанах и ханах. Например, урядник Михаил Лагашкин «в 1827 году служил при султানে-правителе западной части области оренбургских киргиз» [23, л. 96].

Позитивные контакты между казахами и российской властью случались не так редко. Имела место помощь в розыске, поимке и выдаче мятежников, в освобождении пленных, в предупреждении об опасности. Например, в 1804 г. за помощь в освобождении из плена казака был награжден старшина рода джагалбайлы Тюлегенов [2, л. 1—5]. Начальники зауральных дистанций Узбекгалиев и Шигазин предупреждали начальника Тополиной крепости Бородина о готовящемся нападении «воров-киргизов адаевского и сентемирского родов» [14, л. 5]. «За усердную службу и преданность России» в 1803 г. был награжден старшина Котлумбаев. Спустя 12 лет он был награжден повторно [5, л. 1—6; 8, л. 14]. Старшин, биев и султанов, представленных к наградам за отличие в действиях против Кенесары в составе отряда казачьего полковника Бизянова, было 28, в том числе султаны-правители Ахмед и Арслан Джантюрины [23, л. 123—134]. Не только султаны и старшины, но и простые казахи периодически удостаивались российских наград. Так, в 1844 г. за спасение казака Казанцева был награжден медалью казах Курамсин [12, л. 1—14].

В подавлении мятежа Кенесары участвовала не только знать, но и простые казахи, многие из которых также получили награды. Среди казахов отряда Перовского были не только лаучи, но и разведчики, и почтальоны (чапары). Некоторых представили к наградам за боевые заслуги [13, л. 1—57]. В отряд Перовского с двумястами джигитами влился Баймухамед Айчуваков, султан-правитель «Западной орды». О нем Иванин сказал, что он «известен своим усердием» [18, с. 127, 149]. Накануне того похода рассматривалась идея смещения хана и его замены «надежным султаном кайсацким», имея в виду Айчувакова. Однако тот ответил отказом, пояснив, что «престолом» является лишь трон царя, в Хиве же находится «турундук», не стоящий даже его аула. Кроме того, султан заявил, что не желает оказаться в окружении «презренных хивинцев» [26, с. 48—50].

При уральской казачьей сотне есаула Серова, выдвинувшейся из Туркестана в направлении Икана, были три лауча-казаха. Один из них, Ахмет, действуя в качестве разведчика, отличился не раз и погиб, как и большинство казаков той сотни [40, с. 10—11, 19—20, 28].

Участвовали казахи и в кампании 1873 г. Оренбургский отряд генерала Крыжановского сопровождала сотня добровольцев-казахов Тургайской и Уральской областей, выполнявших функции проводников, разведчиков и курьеров. Позже присоединились другие. Продвижение отряда происходило в более комфортных условиях, чем продвижение отрядов из Мангышлака и Красноводска. Отряд ощутил поддержку казахов Оренбургского округа и Казалинского уезда Туркестанского округа, обеспечивавших проходящие войска кибитками, скотом, пищей, топливом. Благодаря им отряд удачно продвигался, несмотря на бураны и морозы. «Такое поведение людей, еще недавно волновавшихся из-за нового положения, указывает, конечно, на известную перемену в их образе мыслей и должно быть поставлено в заслугу деятелям народного управления, но прежде всего и

ближе всего надо воздать должное самим киргизам», — пишет Терентьев. Затем добавляет, что эти казахи делились «и кровом, и теплом, и запасами с нашим солдатом». Аулам, «наиболее отличившимся усердием и энергиею», а также их начальникам была объявлена личная благодарность царя, многие получили награды. И в этой кампании имелись казахи, проявившие героизм. Когда терскую сотню окружили несколько тысяч адаевцев, лаучи бежали, но курьеры Айтмагомет и Ирджан сражались плечом к плечу с казаками. Позже Айтмагомет не раз отличался, Терентьев назвал его неутомимым проводником. Среди раненых, которым подполковник Головацкий привез награды, были и казахи. Один из них, Молдабай, вскоре умер от полученных ран [26, с. 122—125, 306—309, 350]. За «отличия во время Хивинского похода в 1873 году» были награждены знаками отличия военного ордена «киргиз Уральской области» Чулаков и «киргиз Мангышлакского приставства» Есенжанов [37].

Героизм проявляли не только в бою. Курьер Калнияз, сбившись с пути и не найдя воды, зарезал лошадей, чтобы пить их кровь. Выпив ее, он умер от жажды, зарыв почту и надев шапку на воткнутую в этом месте палку, дабы подошедшие русские смогли ее легче обнаружить. При этом Терентьев свидетельствовал, что «не все чапары, однако, достигали до тыльных укреплений с почтою: случалось, что их убивали туркмены» [26, с. 319, 341].

Некоторые представители казахской знати, не принявшие положения 1869 г. и бежавшие в Хиву со своими аулами, накануне хивинской кампании 1873 г. все же решили вернуться, покаявшись. Например, Каналы Арсланов и Азберген Мунайтасов, о которых Терентьев сообщил, что, приняв участие в походе, они «оказали множество услуг» [26, с. 316].

Кауфман строго запретил грабить хивинцев и мародерствовать, но запрет не возымел действия. Грабежами и избиениями занимались «наши джигиты», тогда как солдаты и казаки не смели ослушаться. Логика джигитов была проста: они считали себя победителями и, согласно своим традициям, не видели в этом ничего предосудительного. Кауфман все же повесил двух человек, виновных в грабежах и убийствах, но это были освобожденные персы, казнить «наших джигитов» он не рискнул [26, с. 366—368, 383—390].

Отношения между народами, жившими в казахской степи и Хивинском ханстве, между ними и русскими, между кочевниками и оседлыми жителями, между тюрками и ираноязычными были сложные и неоднозначные. Отдельные представители русского командования проявляли излишнюю жестокость, но далеко не все. Большинство их было против подобных мер, стремясь наладить отношения с народами — новыми подданными на основе взаимных интересов и взаимовыгодного сотрудничества, а не страха.

Отношения российских властей с местной знатью складывались также непросто. Наряду с теми, кто занимал непримиримую позицию, были и те, кто готов был принять российское подданство и сотрудничать с российскими властями. Многие делали это не только ради выгоды, но и в соответствии со своими убеждениями. Не последнюю роль играл и менталитет разных народов и племен. Если среди казахов самыми мирными и лояльными к русским были жители сырдарьинского региона, то самыми воинственными и непокорными были адаевцы. Их подобием у туркменов были йомуды. Надо отметить сложные отношения между отдельными родами, а также с южными соседями, порой выливающиеся в кровавые столкновения.

Цели и задачи, определявшие отношения России с юго-восточными соседями, менялись в силу разных причин. Осуждая колониализм как таковой, бессмысленно отрицать наличие прогрессивных моментов. Приобщение народов Казахстана и Средней Азии к российским порядкам часто противоречило их традициям. Кровная месть, многоженство,

рабство, бачбозство (гомосексуальная педофилия) не считались правонарушениями. Желание приобщить кочевников к оседлости также вызывало протест. По мере втягивания казахской степи и Хивинского ханства в общероссийскую орбиту урезались полномочия их властей. Это вызывало недовольство части знати, манипулировавшей подопечными. Иными словами, в данном регионе сплелись воедино многие проблемы и противоречия, решать которые было непросто, а потому нельзя давать им упрощенную оценку, которой сегодня придерживаются многие историки ближнего зарубежья.

Русские военные, исполняя свой долг, не сомневались в правоте дела. Их отношение к местному населению во время военных кампаний не походило на поведение агрессоров, если не считать отдельных случаев. Местное население не пряталось и не прятало имущество. Близ Ходжейли, где остановились русские, наступавшие на Хиву, жители не побоялись развернуть торг [26, с. 345]. Позже на базарах близ русских частей местные жители не боялись «лупить втридорога» с солдат, которые в отличие от казаков не знали их языка и не умели торговаться [25, с. 156—157].

Было покончено с войнами местных ханов и эмиров, сопряженными с разорением, резней и захватом пленных. Простой народ был освобожден от воинской службы. Знати отвели место в официальных структурах. К примеру, Такма-Сардар, один из предводителей текинцев, оказал русским активное сопротивление. Попав в плен, он был отправлен в Петербург, где принят Александром III и пожалован чином майора [15, с. 74].

Геополитическая ситуация, связанная с британской экспансией в Азии, вынуждала Россию принимать меры по защите национальных интересов (в том числе и по наведению порядка на огромных территориях, являвшихся очагами перманентной нестабильности). Несмотря на империалистическую сущность борьбы с Англией, оценить ее можно и с позиции меньшего зла. В отличие от европейцев, русские смотрели на расширение границ не как на средство обогащения, а как на усиление державы. В отличие от британских колоний, служивших лишь источником ресурсов для метрополии, на окраинах, присоединенных к России, создавалась производственная и социальная инфраструктура, характерная для всех регионов империи.

Список использованных источников и литературы

1. Александров Н. А. Казаки: донцы и уральцы. М. : Изд. А. Я. Панафилина, 1899. 46 с.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 59.
3. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 141.
4. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 148.
5. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 181.
6. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 204-А.
7. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 378.
8. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1135.
9. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1153.
10. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1703.
11. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3390.
12. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3709.
13. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4927.
14. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5082.
15. Гуляев А. Л. Поход на Амударью и в Текинский оазис уральских казаков в 1880—1881 годах. Уральск : Тип. В. И. Жаворонкова, 1888. 82 с.
16. Даль В. И. Уральский казак // Избранные произведения В. И. Даля. М. : Правда, 1983. С. 100—115.
17. Железнов И. И. Василий Струняшев. Роман из казачьей жизни. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. 211 с.
18. Иванин М. И. Описание зимнего похода в Хиву 1839—1840 гг. СПб. : Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1874. 268 с.

19. Карпов А. Б. Уральцы. Т. 1. Уральск : Войсковая типография, 1911. 1013 с. (Приложения).
20. Мякушин Н. Г. Секретная экспедиция уральских казаков (исторический очерк). Уральск : Войсковая типография, 1903. 35 с.
21. Паллас П. С. Путешествия по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб. : Императорская академия наук, 1809. 657 с.
22. Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописной татарской книги, сочинения Абулгачи-Баядур-хана, и дополненная мелким числом примечаний, достоверных и любопытственных о прямом нынешнем состоянии Северной Азии с потребными географическими ландкартами, с французского на российский в Академии наук : в 2 т. Т. 2. СПб., 1768.
23. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 405. Оп. 6. Д. 5446.
24. Рябинин А. Д. Уральское казачье войско. Ч. 2. СПб. : Тип. Э. Веймара, 1866. 108 с.
25. Сапунов Д. А. Участие казачества Урала и Сибири в присоединении Средней Азии к России (40-е — 90-е годы XIX века) : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2001. 259 с.
26. Терентьев М. А. Хивинские походы русской армии. 2-е изд. М. : Вече, 2016. 464 с.
27. Уральские войсковые ведомости [газета, г. Уральск]. 1868. № 31.
28. Уральские войсковые ведомости. 1869. № 34.
29. Уральские войсковые ведомости. 1869. № 50.
30. Уральские войсковые ведомости. 1871. № 6.
31. Уральские войсковые ведомости. 1871. № 10.
32. Уральские войсковые ведомости. 1871. № 14.
33. Уральские войсковые ведомости. 1871. № 41.
34. Уральские войсковые ведомости. 1872. № 12.
35. Уральские войсковые ведомости. 1873. № 26.
36. Уральские войсковые ведомости. 1876. № 1.
37. Уральские войсковые ведомости. 1878. № 1.
38. Уральские войсковые ведомости. 1897. № 41.
39. Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, А. П. Хорошхина / с предисл. Н. А. Маева. СПб. : Типография и хромофотография А. Трайшеля, 1876. 533 с.
40. Хорошхин М. П. Геройский подвиг уральцев. Дело под Иканом 4, 5 и 6 декабря 1864 года. 3-е изд. Уральск : Типография Уральского казачьего войска, 1895. 63 с.
41. Энциклопедический словарь: Ф. Брокгауз — И. Ефрон. Т. 3. СПб. : Семеновская типография (И. А. Ефрона), 1891. 492 с.

Поступила в редакцию 31.01.2017

Дубовиков Александр Маратович, доктор исторических наук, доцент
 ФБГОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса»
 Российская Федерация, 445017, г. Тольятти, ул. Гагарина, 4
 E-mail: alexdubovikov@yandex.ru

UDC 94(574/575)

A. M. Dubovikov**Participants of the Khiva campaigns about contacts with people of Khiva and Kazakhs**

The article dwells on the actions of Russian troops during the Khivan campaigns and their contacts with the local population described by either direct participants or eyewitnesses. The number of witnesses being too great, the author has to limit himself to the most striking representatives such as M. I. Ivanin, M. A. Terentyev and A. P. Khoroshkhin – talented officers and experienced analysts. Among the materials used there are archival documents, writings of contemporaries (I. I. Zheleznov, V. I. Dal, M. P. Khoroshkhin N. G. Myakushin etc.), and materials of “Uralskiye voiskovye vedomosti” (the newspaper). They help to make some important conclusions. The South-Eastern outskirts of Russia were long subjected to raids, accompanied by bloody clashes. Cruelty took place on both sides, but Russians were less sophisticated. The customs and traditions of the local peoples and tribes had major differences, and the relationship between them was not trouble-free. Among the local nobles and their people there were many people who faithfully served Russia. After the capture of Khiva, the Khan was ready to serve Russia’s interests provided it protected him from his own subjects. The unrest that took place in the Kazakh steppe most likely was not the manifestation of the fight for national liberation but clan rivalry for power and influence. The nomadic population brought Russian authorities much more anxiety than sedentary one. The Turkmens (especially Yomud tribe) and the Kazakhs of Aday tribe showed their rebelliousness more than any other. Annexation of new lands and spread of Russian influence over them made Russian military be faithful in the performance of their duty and confident in the rightness of the cause. With rare exceptions their behavior bore no resemblance to the behavior of invaders; they quickly established productive relations with the population of the defeated khanates, especially in trade and economic spheres.

Key words: M. I. Ivanin, M. A. Terentyev, A. P. Khoroshkhin, V. A. Cooper, F. G. Bizyanov, K. P. Kaufman, N. A. Kryzhanovskiy, N. A. Verevkin, Baimukhammed Aychuvalov, Central Asia, the khanate of Khiva, the Turkmen, the Kazakhs, the Yomud people, the Aday people.

Dubovikov Aleksandr Maratovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Volga State University of Service
Russian Federation, 445017, Tolyatti, ul. Gagarina, 4
E-mail: alexdubovikov@yandex.ru

References

1. Aleksandrov N. A. *Kazaki: dontsy i ural'tsy* [Cossacks: Don people and the Uralian]. Moscow, A. Ya. Panafidin Publ., 1899. 46 p. (In Russian)
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [State Archive of the Orenburg region] (GAOO). F. 6. Op. 10. D. 59.
3. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 141.
4. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 148.
5. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 181.
6. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 204-A.
7. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 378.
8. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 1135.
9. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 1153.
10. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 1703.
11. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 3390.
12. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 3709.
13. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 4927.
14. GAOO. F. 6. Op. 10. D. 5082.
15. Gulyaev A. L. *Pokhod na Amudar'yu i v Tekinskii oasis ural'skikh kazakov v 1880—1881 godakh* [Expedition of Ural Cossacks to the Amu Darya and Tekke oasis in 1880—1881]. Ural'sk, Tip. V. I. Zhavoronkova Publ., 1888. 82 p. (In Russian)
16. Dal' V. I. Ural'skii kazak [Ural Cossack]. *Izbrannye proizvedeniya V. I. Dal'ya* [Selected Works by V. I. Dahl]. Moscow, Pravda Publ., 1983, pp. 100—115. (In Russian)

17. Zheleznov I. I. *Vasilii Strunyashev. Roman iz kazach'ei zhizni* [Vasilii Strunyashev. Novel of Cossack life]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha Publ., 1910. 211 p. (In Russian)
18. Ivanin M. I. *Opisanie zimnego pokhoda v Khivu 1839—1840 gg.* [Description of winter campaign to Khiva in 1839—1840]. St. Petersburg, Tip. Tov-va “Obshchestvennaya pol’za” Publ., 1874. 268 p. (In Russian)
19. Karpov A. B. *Ural'tsy*. T. 1 [The Uralian. Vol. 1]. Ural'sk, Voiskovaya tipografiya Publ., 1911. 1013 p. (Applications). (In Russian)
20. Myakushin N. G. *Sekretnaya ekspeditsiya ural'skikh kazakov (istoricheskii ocherk)* [Secret expedition of Ural Cossacks (historical review)]. Ural'sk, Voiskovaya tipografiya Publ., 1903. 35 p. (In Russian)
21. Pallas P. S. *Puteshestviya po raznym provintsiyam Rossiiskoi imperii. Ch. 1* [Travelling in various provinces of the Russian Empire. Part 1]. St. Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk Publ., 1809. 657 p. (In Russian)
22. *Rodoslovnaya istoriya o tatarakh, perevedennaya na frantsuzskii yazyk s rukopisnoi tatarskoi knigi, sochineniya Abulgachi-Bayadur-khana, i dopolnennaya melkim chislom primechanii, dostovernykh i lyubopytstvennykh o pryamom nyneshnem sostoyanii Severnoi Azii s potrebnymi geograficheskimi landkartami, s frantsuzskogo na rossiiskii v Akademii nauk : v 2 t* [Historical genealogy of Tatars, translated into French and taken from a handwritten Tatar book by Abulgachi-Bayadur Khan, and augmented by a small number of authentic and detailed notes on the current state of North Asia with the appropriate geographic land maps from French to Russian in the Academy of Sciences: in 2 vols]. Vol. 2. St. Petersburg, 1768. (In Russian)
23. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military History Archive]. (RGVIA). F. 405. Op. 6. D. 5446.
24. Ryabinin A. D. *Ural'skoe kazach'e voisko. Ch. 2* [Ural Cossack army. Part 2]. St. Petersburg, Tip. E. Veimara Publ., 1866. 108 p. (In Russian)
25. Sapunov D. A. *Uchastie kazachestva Urala i Sibiri v prisoedinenii Srednei Azii k Rossii (40-e — 90-e gody XIX veka) : dis. ... kand. ist. nauk* [Participation of the Cossacks of the Ural and Siberia in joining Central Asia to Russia (40s — 90s of XIX century): Cand. Dis.]. Chelyabinsk, 2001. 259 p. (In Russian)
26. Terent'ev M. A. *Khivinskie pokhody russkoi armii. 2-e izd.* [Khiva campaigns of the Russian army. 2nd ed.]. Moscow, Veche Publ., 2016. 464 p. (In Russian)
27. *Ural'skie voiskovye vedomosti* [gazeta, g. Ural'sk]. 1868. № 31.
28. *Ural'skie voiskovye vedomosti*. 1869. № 34.
29. *Ural'skie voiskovye vedomosti*. 1869. № 50.
30. *Ural'skie voiskovye vedomosti*. 1871. № 6.
31. *Ural'skie voiskovye vedomosti*. 1871. № 10.
32. *Ural'skie voiskovye vedomosti*. 1871. № 14.
33. *Ural'skie voiskovye vedomosti*. 1871. № 41.
34. *Ural'skie voiskovye vedomosti*. 1872. № 12.
35. *Ural'skie voiskovye vedomosti*. 1873. № 26.
36. *Ural'skie voiskovye vedomosti*. 1876. № 1.
37. *Ural'skie voiskovye vedomosti*. 1878. № 1.
38. *Ural'skie voiskovye vedomosti*. 1897. № 41.
39. Khoroshkhin A. P. *Sbornik statei, kasayushchikhsya do Turkestanskogo kraya, A. P. Khoroshkhina / s predisl. N. A. Maeva* [A collection of articles related to the Turkestan region, A. P. Horoshkhina, foreword by N. A. Mayeva]. St. Petersburg, Tipografiya i khromolitografiya A. Traishelya Publ., 1876. 533 p. (In Russian)
40. Khoroshkhin M. P. *Geroiskii podvig ural'tsev. Delo pod Ikanom 4, 5 i 6 dekabrya 1864 goda. 3-e izd.* [Heroic deed of the Uralian. The incident under Ikan on December 4, 5 and 6, 1864. 3rd ed.]. Ural'sk, Tipografiya Ural'skogo kazach'ego voiska Publ., 1895. 63 p. (In Russian)
41. *Entsiklopedicheskii slovar': F. Brokgauz — I. Efron* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 3. St. Petersburg, Semenovskaya tipografiya (I. A. Efrona) Publ., 1891. 492 p. (In Russian)